

ОТГОЛОСКИ СОБЫТИЙ XVI в. В ФОЛЬКЛОРЕ

В XVI в. былину из русского эпоса начала вытеснять историческая песня. В это время складывается уже мало новых былин. Зато старые былины постепенно переосмысливаются и приспосабливаются к иным историческим условиям. В поздних редакциях старых, как и в новых былинах, отражались те же характерные черты народного мирозерцания, что и в исторических песнях.

В былине о Даниле Ловчанине, сюжет которой, возможно, навеян событиями опричных лет, одним из героев, приближенных князя Владимира, является Мишата Путятин.¹ Историческим прототипом этого образа исследователи считают дьяка Меньшого Путятина, советника Василия III.² В другой былине, о премудром царе Саламане и Василие Окуловиче, сложившейся под влиянием книжного рассказа о Соломоне, также отразились некоторые факты из русской истории первой половины XVI в. В Царьграде у царя Василия Окуловича на пиру в присутствии его могучих богатырей «полениц удалых», татар и уланов, «гость заморянин» Таракашка сообщил, что в Иерусалиме есть прекрасная Саламанида — жена царя Саламана. Царь Василий поручил ему привезти эту царицу. Используя всевозможные уловки, Таракашка исполняет

¹ Былины, т. II. М., 1919, стр. 193.

² Б. М. Соколов. Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине. Русский филологический вестник, 1910, № 3—4, стр. 221.

царский приказ. Тогда премудрый царь Саламан отправляется в Царьград за своею женою, возвращает ее обратно, пленит Царьград и казнит Василия Окуловича и гостя Таракашку.³ Еще В. Ф. Миллер сблизил гостя Таракашку (в других списках Василия Таракана) с гостем Василием Таракановым, упоминавшимся в летописи под 1519 г.,⁴ а Саламаниду — с первой женой Василия III,⁵ указав на то, что былина, очевидно, сложилась в северорусских землях, где сохранилась недобрая память об этом великом князе⁶ (см., например, повесть о разводе Василия III⁷). Былина о Саламане связана с книжной литературой и резко отличается от других памятников устной словесности по своей антимосковской тенденции. «Таракашка» задержался в народной памяти потому, что еще в конце XVI в. был гость Василий Тараканов, ведший заморскую торговлю (с англичанами),⁸ а в первые годы после смуты — гость Томило Тараканов. Это, очевидно, не единственный случай проникновения нового героя из торговой среды в русскую былинку.

В. Ф. Ржига обратил внимание на то, что во вкладной книге 50-х годов XVI в. Иосифо-Волоколамского монастыря упомянут некий Иоан Пятой Чурилов, сын Суровцев. Он далее предположил, что Чурилов Суровцев, или Сурожцев, живший, очевидно, в конце XV в., принадлежал к числу сурожан и являлся историческим прототипом былинного Чурилы Пленковича, именуемого иногда «Сароженным».⁹ Чурилу Борисова, сына Суровцева, встречаем в одном из актов первой четверти XVI в. (во всяком случае до 1530—1531 гг.).¹⁰ Интересно, что там же упомянут его брат с характерным прозвищем «Скатерть», что, возможно, подтверждает торговое происхождение Суровцевых.¹¹

³ См.: Былины, т. II, стр. 215—225.

⁴ ПСРА, т. VI, стр. 281.

⁵ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М., 1924, стр. 197, 199 (в дальнейшем: В. Ф. Миллер. Очерки). См. также: А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера. ИОРЯС, 1915, т. XX, кн. 1, стр. 323.

⁶ В. Ф. Миллер. Очерки, т. III, стр. 202.

⁷ См.: М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, М.—Л., 1928, стр. 91—94.

⁸ Статейный список Флетчера. Временник Общества истории и древности российской, 1850, кн. 8, стр. 37.

⁹ В. Ф. Ржига. О Чуриле Пленковиче. ИОРЯС, 1923, т. XXVIII, стр. 75—83.

¹⁰ АФЭХ, ч. II, № 98.

¹¹ Впрочем, все это остается лишь одним из возможных предположений. В духовной книге Андрея Голенина (до 1482 г.) упоминается некий холоп Суровец Васильев, сын Митцков (там же, № 15). Имел ли он отношение к Суровцевым, появляющимся уже в актах 1507—1515 гг. (там же, № 40), остается неясным. В грамоте 1518 г. встречаем Суровца Федорова, сына Чебунова, с детьми Иваном и Василием (ЦГАДА, ф. Калязина монастыря, кн. 1, д. 45, л. 58).

Несомненные следы событий конца XV в. имеются в былине о Добрыне Никитиче и Василие Казимировиче. Образ последнего навеян посадником Василием Казимиром, упорным врагом Москвы в 1471 г. В былине, сложившейся, очевидно, в первой половине XVI в., отразился факт прекращения уплаты татарам дани в конце XV в.¹²

Память о борьбе Руси с литовскими нападениями XVI в. на пограничные земли сохранилась в былине о литовском наезде¹³ в одном из вариантов (в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике), где наименование города Чернигова, который освобождал Илья Муромец, было заменено Себежем.¹⁴ Основанный в 1535 г., Себеж сразу же подвергся нападениям литовских воевод.¹⁵ В той же былине говорится, что казна Соловья-разбойника находилась в «селах Кутузовых». Кутузовы — известная в конце XV—XVI в. дворянская фамилия.¹⁶

В XVI в., как свидетельствует оршанский староста Кмита Чернобыльский в своем письме 1574 г. троичскому каштеляну Воловичу, особенной популярностью пользовались старший русский богатырь Илья Моровленин (Муромец) и Соловей Будимирович.¹⁷

К этому времени относится сложение былины об Илье Муромце как освободителе Царьграда от Идолища Поганого.¹⁸ В. Ф. Миллер указывает, что в XVI в. резко возросла роль Ильи Муромца, богатыря-крестьянина, среди всего пантеона русских богатырей. В этом исследователь прежде всего видит своеобразный протест народных масс «против гнета высших классов, поддерживаемых правительством».¹⁹ Можно спорить с В. Ф. Миллером, утверждавшим, что в XVI в. Илья превратился из дружинника в крестьянина, но рост значения Ильи как богатыря-крестьянина в вариантах былин, восходящих к XVI в., представляется нам весьма вероятным.

¹² В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, М., 1910, стр. 204—206, 210.

¹³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 394.

¹⁴ В. Ф. Миллер. Очерки, т. I, М., 1897, стр. 391 и сл.; А. В. Марков. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. Этнографическое обозрение, XIV, стр. 92; А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. ИОРЯС, 1906, т. XI, кн. 3, стр. 26.

¹⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 299, 300.

¹⁶ См., например, АФЭХ, ч. II, №№ 8—11, 71, 94, 112, 135, 156, 162, 282, 284, 286, 288, 290, 291, 302, 307, 342, 347, 355, 365.

¹⁷ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, т. II. СПб., 1881, стр. 64.

¹⁸ В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, стр. 162; В. Я. Пропп считает, что царьградская версия былины об Илье и идолище поганом «представляет собой попытку использовать эпос в церковных интересах» (В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 255).

¹⁹ В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, стр. 163. В. Я. Пропп также раскрывает социальную борьбу как ведущую идею исторических песен периода образования централизованного государства (В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 361).

Интересно, наконец, наблюдение В. Ф. Миллера над тем, что «отношения Ильи к князю Владимиру в XVI в. были далеко не верноподданническими».²⁰ Особенно наглядно это можно проследить на былине о ссоре «старого казака» Ильи с князем Владимиром. Обидевшись, что Владимир не пригласил его на пир, где присутствовала вся «поляница удалая» богатырей, Илья «натянул тугий лук» и «стрелил он тут по божьим церквям». Затем вместе с голью кабацкою Илья продает «маковки золоченые» от церкви и начинает «пить зелена вина». Тогда князь Владимир, увидев, что «пришла беда неминуемая», устроил другой пир, на который Добрыне удалось доставить Илью. На этом пиру Илья признается, что у него было намерение «убить тебя, князя Владимира».²¹ В. Ф. Миллер, М. Н. Сперанский и другие относят составление этой былины к началу XVII в.²² При этом они исходят из упоминания о «казачестве» Ильи и из связи былины с событиями «смутного времени». Трудно отрицать возможности того, что былина о ссоре Владимира с Ильей подверглась каким-то изменениям в начале XVII в. Однако сейчас еще нельзя со всей определенностью сказать о времени ее происхождения. Во всяком случае «святотатство» Ильи и его буйство вместе с голью кабацкою могли быть своеобразными откликами на городские и крестьянские движения середины XVI в., сочетавшиеся с развитием среди народных масс «ересей». Илья Муромец иногда в былинах действует совместно с Соловьем-разбойником (он вместе с ним, например, освобождает город Краков), известным «ослушником» князя Владимира. Это также противоречит «исконней» вражде Ильи к Соловью-разбойнику, о которой столь образно повествуют более ранние былины.²³

Мотивы социального протеста слышатся и в некоторых вариантах былины о Сухмане, появившихся в XVI в.²⁴ Эта былина, посвященная борьбе Сухмана с татарами в XVI в., как полагают, подверглась некоторому влиянию Сказания о Мамаевом побоище (во главе татар выступает здесь Мамай). Интерес к событиям Куликовской битвы особенно возрос после присоединения Казани в 1552 г., явившегося в народном представлении как бы завершением дела Дмитрия Донского. В былине интересно усиление социальных моментов и, в частности, конфликт между Сухманом и князем Владимиром. Сухман был посажен в «погребя во глубокии»,

²⁰ В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, стр. 165.

²¹ Былины, т. I, М., 1916, стр. 181—183.

²² В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, стр. 315—316; Былины, т. I, стр. 130.

²³ В. Ф. Миллер. Очерки, т. I, стр. 397—401.

²⁴ Связь былины с историческими фактами XVI в. была обстоятельно рассмотрена В. Ф. Миллером и С. К. Шамбинаго (В. Ф. Миллер. Очерки, т. III, стр. 168—170; С. К. Шамбинаго. Исторические переживания в старинах о Сухане. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 503—511).

ибо князь Владимир не поверил его рассказу о разгроме им врагов. Когда, однако, выяснилась правота Сухмана, то оскорбленный богатырь не согласился на примирение с князем: открыв свои раны, он кончил жизнь самоубийством.²⁵ Смерть Сухмана представлена как своеобразное моральное унижение князя Владимира.²⁶

Так в лучших памятниках устно-поэтического творчества XVI в. отражалась напряженная борьба русского народа против феодального гнета.

Одним из путей проникновения общественно-политических идей господствующего класса в устное творчество было использование составителями былин, песен и сказок памятников письменной литературы.

Особый интерес в этом отношении представляет легенда о Федоре Борме, а также основанные на ней сказки о Борме-ярыжке. В легенде рассказывается, что «вышние» люди Царьграда выбрали Федора Борму, чтоб тот добыл из Вавилона царскую порфиру, корону и скипетр. Почти все население Вавилона, как сообщил Федору один встретившийся ему человек, назвавшийся Правдой, было истреблено змеями. Оставалась в церкви Егория Храброго и Дмитрия Солунского только одна девица, которая и помогла Борме на ковре-самолете выбраться из Вавилона с царскими регалиями. В Царьграде тем временем произошло великое кровопролитие: изрушилась вера православная, и не стало царя православного. Тогда Борма направился на Русь и, придя в Казань, отдал регалии Ивану IV, разгромившему царя Проходима Казанского. «И улегла тут порфира и корона с града Вавилона на голову Грозного царя, правоверного Ивана царя Васильевича».²⁷

Сказки о Борме-ярыжке, лучшие из которых представлены самарским вариантом,²⁸ уже не знают имени героя поездки в Вавилон и называют его Ярыжкой, усиливая, таким образом, народное звучание сюжета. Ярыжку в Вавилон отправлял сам Иван Васильевич.²⁹ Там Ярыжка встречает Царь-девицу, полузмею, полудевку, которая напускает на него змей. Только поджегши порох, Ярыжка истребляет змей и после ряда приключений попадает с регалиями на родину.

²⁵ Один из вариантов былины см.: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. Изд. 2. СПб., 1894, стр. 469—472.

²⁶ См. об этом в сб.: Русское народное поэтическое творчество, т. I, Л., 1953, стр. 339 и сл., а также В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 384, и особенно В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956.

²⁷ Е. В. Барсов. Исторический очерк чина венчания на царство. Чтения ОИДР, 1881, кн. 1, стр. XXIV—XXV.

²⁸ Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, т. XII, 1884, стр. 22—27.

²⁹ «Царь Иван Васильевич кликал клич: „Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу, и книжку про них“» (там же, стр. 22).

Уже И. Н. Жданов установил несомненную близость легенд и сказок о Борме с книжной Повестью о Вавилоне-граде.³⁰ В этой повести, созданной в XV в., говорится о посылке в Вавилон греческим царем Львом трех благочестивых мужей (грека, обещанина и русского), чтобы добыть знаки царского достоинства, сделанные еще Навуходоносором. Посланники добывают из Вавилона находившиеся во власти змеев багряницу и венцы и благополучно возвращаются в Царьград.³¹

Признавая бесспорное влияние Повести о Вавилоне на сложение легенд о Борме, следует связать их появление прежде всего с венчанием на царство Ивана IV и присоединением Казани. Даже имя самого героя — Федор Борма, как справедливо предполагал В. Ф. Миллер, восходит к Федору Бармину, который в год венчания Ивана IV на царство был протопопом придворного благовещенского собора и поэтому, очевидно, участвовал в коронационной церемонии.³² Прозвище «Борма», а не «Бармин», укрепилось в народной памяти, возможно, еще и потому, что строителями собора Василия Блаженного, созданного в честь взятия Казани, были Барма и Постник.

С Казанским взятием перекликается и эпизод о воспламенении пороха как о средстве разгрома врагов, и представление о Вавилоне как о городе змей (сходное с популярным в середине XVI в. наименованием Казани Змеиным царством³³), и, наконец, появление Федора Бормы в Казани. В народном представлении конец Казанского царства был в то же время началом царства Московского.³⁴ Мотив о переходе регалий из Царьграда глухо звучит в легенде о Федоре Борме, а уже в сказке о Борме-ярыжке он вовсе отсутствует.

Весьма показательно, что из памятников книжной письменности на народную легенду и сказку оказала влияние не церковно-публицистическая повесть о Белом клобуке или официальное сказание о великих князьях Владимирских, а поэтическое произведение русской художественной литературы — Повесть о Вавилоне-граде. Героем в сказке о Борме выступает бедняк-ярыжка, чем как бы подчеркивалась важнейшая мысль о роли народа в укреплении могущества Русского государства. Эта передовая идея, родившаяся в недрах русского народа, отличается значительно более верным пониманием исторической обусловленности процесса централиза-

³⁰ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 21 и сл.

³¹ См.: М. О. Скрипиль. Повесть о Вавилоне-граде. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 119—144.

³² ПСРЛ, т. XIII, стр. 456; В. Ф. Миллер. Очерки, т. II, стр. 367.

³³ «Глаголют мнози нецыи, преже место быти издавна гнездо змиево» (Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 47).

³⁴ Бытовавшее в XVI в. представление о связи царского титула с ордынскими, а затем татарскими ханами отмечал еще И. Н. Жданов (Русский былевой эпос, стр. 13—14).

ции на Руси, чем теория идеологов самодержавия, приписывавших заслуги в создании мощного государства божьему промыслу, царям и полководцам.

Глубокий отпечаток на народное творчество наложила причина. Если трудно согласиться полностью с С. К. Шамбинаго, связывавшим сложение былины о Василии Буслаеве со временем Ивана Грозного,³⁵ то все же следы влияния разгрома Новгорода в 1570 г. в этой былине обнаружить можно.³⁶

События опричных лет звучат и в былине о Даниле Ловчанине. Уже Б. Соколов, вслед за О. Ф. Миллером, отметил, что в ней князь Владимир выступает совсем в ином облике, т. е. не как ласковый и добрый, а как жестокий правитель.³⁷ Мотив сватовства князя к «мужатой жене» («где это видано, где это слыхано — от живого мужа жону отнять») также мог быть навеян слухами о стремлении Ивана IV заполучить себе в супруги жену Юхана III Екатерину Ягеллонку. Возможно, что мотив смерти невесты князя навеян неожиданной кончиной «царской невесты» Марфы Собакиной. Наконец, приготовленный для Мишаты (угодливого слуги типа Малюты Скуратова) «смолы котел» напоминает тот котел с «варом» (кипятком), который водрузили на помост во время варварских казней 1570 г. Только один пункт в рассуждениях Б. Соколова вызывает возражения. Он считает, что быллинный сюжет связан с неудачным браком царя с Василисой Мелентьевной («Василиса Микулишна» трех из восьми вариантов былины). Однако сама Василиса Мелентьевна — досужий плод сочинителя А. Сулакадзева, появившийся едва ли не под влиянием былины.³⁸

Взаимосвязь устного творчества с письменной литературой проявлялась не только во влиянии литературно-публицистических памятников на сюжеты и идейную направленность произведений русского фольклора, но и в использовании богатой сокровищницы народно-поэтического творчества в письменной литературе.

Памятником переходным, отразившим как черты произведений устного творчества, так и письменной литературы, является «Сказание о киевских богатырях». В «Сказании» рассказывается о подвиге семи киевских богатырей во главе с Ильей Муромцем, которые, несмотря на запрещение князя Владимира, отправились в Царьград, победили царьградских витязей, двух из которых —

³⁵ С. К. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. М., 1914, стр. 98—752.

³⁶ См. рецензию В. Миллера на работу С. Шамбинаго «Песни-памфлеты XVI в.» (Вестник Европы, 1913, кн. 5, стр. 370—380).

³⁷ Б. Соколов. Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине. Русский филологический вестник, 1910, № 3—4, стр. 201—206.

³⁸ Она упоминается только в сборнике (ГПБ, Q XVII, № 17), который составлен в интересующей нас части Сулакадзевым (М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. Проблемы источниковедения, V, 1956, стр. 100).

Идола Скоропина и Тугарина Змиева привезли в качестве «языков» в Киев. «Сказание» уже давно привлекало к себе внимание исследователей: им занимались О. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер и другие видные буржуазные литературоведы и фольклористы.³⁹ Еще О. Ф. Миллер предположил, что перед нами — книжная переделка старинной былины.⁴⁰ Его вывод позднее был воспринят почти всеми исследователями, занимавшимися «Сказанием». До недавнего времени при разборе этого памятника приходилось пользоваться всего двумя списками: начала XVII в., или во всяком случае не позднее 1642 г. (Барсовским),⁴¹ и XVIII в. (Буслаевским).⁴²

Наиболее обстоятельная работа о «Сказании», принадлежащая А. В. Поздневу, опубликована сравнительно недавно — в 1941 г.;⁴³ находка автором третьего списка XVIII в. (ИМЛИ) позволила ему установить, что краткая редакция памятника (по списку Буслаевскому и ИМЛИ) в целом первоначальнее протранной (Барсовский список).⁴⁴

Основной вывод автора сводится к тому, что «Сказание» является переработкой былины, произведенной рядовым книжником. Наличие польской терминологии (слово «шкапа») дает основание А. В. Поздневу датировать сказание 1610—1620 гг. В произведении он усматривает отклики на события, связанные с покорением Сибири.⁴⁵

Традиционный взгляд на «Сказание» как на памятник книжный пересмотрен А. П. Евгеньевой на материалах стиля и языка этого произведения. Основной вывод автора, на основании анализа Барсовского списка (написанного турчасовцем), сводится к тому, что «Сказание» является устным произведением, записанным во Псковской земле.⁴⁶

³⁹ См. библиографию у А. В. Позднева (Сказание о хождении киевских богатырей в Царьграде. В сб.: Старинная русская повесть, М.—Л., 1941, стр. 135 и сл.).

⁴⁰ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 760.

⁴¹ Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII в. Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1881, стр. 1 и сл.

⁴² Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860, стр. 311—318; ср.: Русские былины старой и новой записи. М., 1894, отд. I, стр. 47—53. Оба списка переизданы П. К. Симоном (Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII вв., вып. 1. Сб. ОРЯС, т. С, № 1, 1922).

⁴³ А. В. Позднеев. Сказание о хождении... стр. 135—196.

⁴⁴ Там же, стр. 140. Список ИМЛИ опубликован А. В. Поздневым там же, стр. 191—195.

⁴⁵ Там же, стр. 189.

⁴⁶ А. П. Евгеньева. Сказание о киевских богатырях, како ходили во Царьград и как победили цареградских богатырей, учинили себе честь, по списку XVII века. ТОДРА, т. V, 1947, стр. 108 и сл. Критику взглядов Евгеньевой см. в книге: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. VI. М., 1956, стр. 3, 45.

Автором этих строк был найден новый (Музейский) список Сказания (конца XVII в.), который был опубликован Л. Н. Пушкикаревым.⁴⁷ Музейский список вносит ряд уточнений, помогающих расшифровать темные места произведения. Так, например, седьмой богатырь имеет прозвище «Поляница», а не «Палица» или «Пьяница», как в других списках. Термин «Поляница», встречающийся и в сочинениях И. С. Пересветова, связан со сторожевой службой в степи и соответствует всему духу произведения, рисующего подвиги в южных степях.⁴⁸

Позднее В. И. Малышев обнаружил пятый (к сожалению, дефектный) список «Сказания» (Архивский) также конца XVII в., весьма близкий к Музейскому.⁴⁹

Сказание, как это было отмечено Н. К. Гудзием, рисует обстановку после Казанского взятия.⁵⁰ В нем уже отчетливо проскальзывает мотив о наступательных действиях русского войска против татарских феодалов. Семь богатырей при дворе князя Владимира в Киеве выполняли сторожевую службу ввиду реальной опасности нападения цареградских богатырей. Илья Муромец и его сотоварищи просили у Владимира разрешения отправиться «на поле»: «... вести прямые отведаем и языка к тебе приведем».⁵¹ Семь киевских богатырей-сторожей — это, конечно, та самая богатырская «застава», которая хорошо известна русским былинам. Имена троих из богатырей «Сказания» (Илья Муромец, Добрыня и Алеша Попович) постоянно встречаются среди воинов этой заставы.⁵² Связаны со службой в поле и дворяне — Белая Поляница и Залешанин.⁵³ Наконец, Сухан — один из самых популярных богатырей героического эпоса XVI в.⁵⁴

⁴⁷ Л. Н. Пушкикарев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». ТОДРАЛ, т. IX, 1953, стр. 351—370.

⁴⁸ О богатырской полянице см. также в былине «На той ли дороге на широкую была застава великая, крепость была крепкая — семь было богатырей, поляницу было удалых» (Песни, собранные П. В. Рыбниковым. Изд. 2. М., 1910, № 3).

⁴⁹ В. И. Малышев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». ТОДРАЛ, т. XI, 1955, стр. 387—390. В списке отсутствует начало: «Каличное богатырем, а богатыри дают каликам».

⁵⁰ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 345.

⁵¹ Л. Н. Пушкикарев. Новый список «Сказания»... стр. 365; Е. В. Барсов. Богатырское слово... стр. 12; А. В. Позднесев. Сказание о хождении... стр. 191.

⁵² С. К. Шамбинаго. Застава богатырская. Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 359.

⁵³ Кстати, «мужики-залешане» также входят в «заставу великую» (Песни, собранные П. В. Рыбниковым, № 199).

⁵⁴ Его имя использовано в качестве имени героя одной из повестей XVII в., основанных на былинных мотивах, в так называемой «Повести о Сухане», обнаруженной В. И. Малышевым (см.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР, 1954, т. XIII, № 3, стр. 282 и сл.).

«Сказание» перекликается с московской былиной об Илье Муромце и Чудище проклятом в Цареграде.⁵⁵ Былина начинается с рассказа о том, как Чудище проклятое «наехало» на Царьград⁵⁶ и заковало «ноги резвые» «железами немецкими»⁵⁷ (ноги царя Константина Атаульевича). При этом весть о Чудище достигла Киева, «перепорхнув за реку Москву». Узнав о случившемся, Илья направился в Царьград; по дороге он встречает калику перехожего и освобождает царя Константина. Эта былина об Илье представляет собою поэтический отклик на взятие Царьграда турками и связана своими корнями со «Сказанием о киевских богатырях»: совпадает и идейный замысел (поход к Царьграду для борьбы с Чудищем), и ряд деталей (например, эпизод с каликой).

А. В. Позднеев связывает «Сказание» с событиями покорения Сибири Ермаком. Однако в произведении мы прямых данных для этого не находим.⁵⁸ Странно уже отсутствие в нем главного героя Сибирской эпопеи Ермака; неубедительно и сопоставление Искера татарского с Царьградом, Никиты Залешанина с Никитой Строгановым, и т. д.⁵⁹

Бросается в глаза одна деталь: богатыри нарушают княжеское запрещение покинуть стольный город Киев. Противоборство князя и богатырей характерно для ряда былин, относящихся к XVI в. Оно было отображением усилившейся классовой борьбы народа против господствующего класса, которым ознаменована была вторая половина века.

В этом произведении нашел поэтическое отображение рост могущества Русского государства в середине XVI в. Книжное представление о Руси как наследнице Византии преломилось в поэтическом сознании народа в виде победы русских богатырей над царьградскими. Горьким патриотизмом русского народа, грудью вставшего на защиту своей родины во время опустошительных набегов полчищ крымских татар, пропитано все «Сказание о киевских богатырях».

Нам представляется гораздо более вероятным сопоставление «Сказания» с походами в степь конца 50-х годов XVI в. князя Дмитрия Вишневецкого, и особенно Даниила Адашева, высадившегося в 1559 г. со своими отрядами в Крым.⁶⁰ Эти события

⁵⁵ См., например: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. I, М., 1904, стр. 344—350.

⁵⁶ «Было у нас во Царегради, наехало проклятое чюдишшо» (там же, стр. 344).

⁵⁷ «Железо немецкое» являлось одним из товаров, ввозившихся на Русь в XVI в. (см.: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 174).

⁵⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 340—345.

⁵⁹ А. В. Позднеев. Сказание о хождении..., стр. 186, 188 и др. Его датировка 1610—1620 гг. также не подтверждается, ибо Музейский список лишен полонизмов, на основании которых Позднеев определяет время составления «Сказания».

⁶⁰ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 315, 316, 318—320.

могли поразить современников как широтой замысла, так и смелостью их исполнения и найти отражение в устно-поэтическом творчестве. Вся обстановка, в которой происходит развертывание сюжета «Сказания», говорит о борьбе богатырей с южными татарскими витязями.

В апреле 1578 г. в Крым к Менгли-Гирею был отправлен русский посол Федор Залешанин Волохов.⁶¹ Прозвище этого посла напоминает одного из героев похода на Царьград (дворянин-залешанин) из разбираемого нами «Сказания».

Находит историческую основу и запрет князя Владимира отпустить богатырей в «чисто поле»: исторический прототип этого князя — Иван Васильевич Грозный, был решительным противником неравной борьбы с Крымом, которую предлагали деятели Избранной рады. Опасение за безопасность стольного града Киева, конечно, связано с опасностью татарских набегов на Москву, которая во второй половине XVI в. была совершенно явственной (см., например, набеги Девлет-Гирея 1571 и 1572 гг.).

Уже тогда началось продвижение русских «станци» и «сторож» в глубь страны, когда из центральных районов страны на юг устремились массы задавленных гнетом крестьян, пытавшихся там найти спасение от крепостного ига. Имена царей Константина и Елены, очевидно, навеяны литературной традицией середины XVI в. Повесть об основании и взятии Царьграда была сравнительно широко распространена (ее внесли в Никоновский летописный свод; использовал ее и И. С. Пересветов).

Не решая в целом вопроса о том, когда и где записано было «Сказание» (это требует специальных дополнительных разысканий), можно полагать, что в основных чертах оно сложилось еще в третьей четверти XVI в.